

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

Темный
ИНСТИНКТ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*
Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Темный инстинкт : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-199725-0

Словно сама смерть поселилась на роскошной даче всемирно известной оперной примадонны Марины Зверевой: ее мужу перерезали горло, ближайшей подруге разбили голову каминными щипцами, саму певицу задушили в собственной спальне. Нет, это не дело рук беглого маньяка-убийцы, бродящего где-то в округе, — к такому выводу приходит следствие. Убийца — человек из ближайшего окружения Зверевой. По ходу расследования выясняются все новые, порой весьма пикантные подробности жизни столь дружной с виду семьи, члены которой одержимы самыми темными страстями и инстинктами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199725-0

© Степанова Т. Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«Покорный раб ищет Строгую
Госпожу».

Из газеты брачных объявлений

Глава 1

СОН

«Это был странный пугающий мир, где бесконечными вереницами шествовали рыжие муравьи величиной с кошку, где по стенам разрушенных домов вился багровый плющ, где капля за каплей назойливо долбила камень и от влажной духоты было нечем дышать.

И все это, милая Елена Александровна, я видела и ощущала чрезвычайно отчетливо, с ужасом понимая — это и есть ТО САМОЕ МЕСТО, где мне и надлежит теперь обитать. Мое убежище, моя последняя нора. Но прежде я должна освободить его от... Я путано рассказываю, но не беда — вы поймете, а бумага стерпит. Словом, там, на полу, покрытом какими-то домоткаными половиками (отчего именно домоткаными, интересно?), лежал труп. Я не могу уточнить, хотя и подозреваю, как для вас это важно, принадлежало ли то призрачное тело мужчине или женщине. Этого я не знала тогда во сне. Знала только, что *от трупа я должна во что бы то ни стало избавиться*. От этого зависит сама моя жизнь. И вот я схватила тело за ноги и волоком потащила в ванную, понимая, что вынести тело целиком мне не под силу. А значит, для того чтобы избавиться от этого ужаса, мне сначала предстоит *расчленить* его. Ванна, старая и ржавая, словно плыла сама по себе в серой пустоте. Я опустила тело в ванну, извлекла откуда-то снизу пилу (просто протянула руку и взяла — понимаете?), приложила ее сначала к коленям. Затем подумала, что легче было бы начать с рук, с плечевого сустава. А затем уже подумала, что самое страшное — это отчленять голову. И тут в это самое мгновение я увидела: ОН смотрит на меня. И глаза его — мои глаза. И проснулась!»

Елена Александровна опустила письмо на колени и вопросительно взглянула на своего внука Сергея Мещерского, стоявшего у окна, за которым сеял мелкий, скучный московский дождик. Мещерский привез ей продукты, газеты, а также почту. Делал он это регулярно — каждый вторник и каждую пятницу. Сегодня и была как раз пятница, а на дворе стоял сентябрь, золотой и тихий.

— Ну и что ты на это скажешь, Сереженька? — Она отложила письмо в сторону и сняла очки-хамелеоны.

Мещерский пожал плечами.

— Сейчас редко кто пишет письма, баба Лена.

— Марина писала мне всегда.

— И всегда рассказывала свои сны?

— Не смейся.

— Да разве я смеюсь? Я умиляюсь. Прислать письмо только для того, чтобы рассказать мерзкий сон. Стильно, ничего не скажешь. Она что, объяснений от тебя требует?

— Марина тревожится.

Мещерский отвернулся к окну. Баба Лена в своем репертуаре — вещицы сны, гадание мадам Ленорман, предсказавшей судьбу Наполеона, карты Таро, труды Блаватской на прикроватном столике, статьи о проблемах месмеризма (да-да! — статьи и какие, несмотря на груз восьмидесяти лет) в новомодный теософский журнальчик «Светоч жизни», посещение «Сред» в культурном центре музея Рериха. И длинная очередь тех, кто приходит в эту тесную однокомнатную квартирку в доме у Павелецкого вокзала (в том самом, где гастроном), чтобы посоветоваться с «милой, чуткой, мудрой Еленой Александровной о сугубо личном, деликатном и крайне важном».

Баба Лена вот уже лет двадцать как слыла одной из самых влиятельных и модных столичных гадалок и предсказательниц. Как ей удавалось столько лет держаться на гребне мистического успеха, внук ее Сергей Юрьевич Мещерский только диву давался. Однако среди посетителей Елены Александровны сплошь и рядом попадались люди известные — балерины, музыканты, актеры, певцы, художники. Ей звонили со всех концов бывшего Союза — из Тбилисской духовной академии, Ассоциации ясновидцев Эчмиадзина, Львовского Круга Посвященных, Сербской Лиги Радуги и многих других модных и весьма туманных организаций. Одно время (как раз перед последними выборами) в

квартирку на Павелецкой зачастили какие-то юркие бородастые человечки — все вроде какие-то «аналитики», политологи, обозреватели чего-то и при чем-то, секретари-референты исполнительных комитетов каких-то партий и доверенные лица кандидатов в депутаты. И все они жаждали, а точнее, даже пылко алкали немедленных и максимально точных прогнозов, обещаний, категорических ответов новоявленной великой Дельфийской Пифии, увы, потерявшей свой традиционный треножник.

От всего этого утомительного и крайне распушенно-политизированного бедлама у милейшей Елены Александровны резко подскочило артериальное давление, и она, по ее горделивому выражению, «недвусмысленно указала политиканам на дверь».

— Я не шарлатанка, — гневалась баба Лена. — Этим молодчикам более подошли бы те, с позволения сказать, *колдуны*, которые публикуют объявления в газетах, продающихся в электричках: «Приворожу с гарантией. Оплата по конечному результату».

С тех пор она предпочитала давать консультации только избранному кругу лиц — в основном давним и проверенным своим клиентам, в числе которых, как знал Мещерский, была и...

— Марина пишет, что похудела на одиннадцать килограммов, — Елена Александровна вновь вернулась к письму. — За границей сейчас сносно лечат от ожирения. Не хмыкай, пожалуйста. Избыточный вес — проблема всех выдающихся певцов. Это плата за голос. У них всех что-то происходит с диафрагмой. Взгляни хотя бы на Паваротти. А для певиц эта проблема нередко вообще оборачивается катастрофой. Тем более при таких щекотливых обстоятельствах, как у Марины.

Мещерский оторвался от созерцания заоконного пейзажа и уселся в кресло напротив. Баба Лена уже все уши прожужжала про свою Марину. Правда, совсем уж ничего о Марине Ивановне Зверевой стыдно было бы не знать. О ней, кстати, охотно и подобострастно повествовалось в последнем выпуске передачи «Оперная сцена». Зверева была знаменитой певицей, несравненным меццо-сопрано, жемужиной русской оперной школы. Последние десять лет она выступала только за рубежом. Но Мещерский еще помнил

те времена, когда в начале восьмидесятых он студентом-первокурсником вместе с Еленой Александровной посещал Большой театр, когда там давали «Бориса Годунова», где Зверева блистала в роли Марины Мнишек. После каждой ее арии партер и ложи взрывались громом аплодисментов.

— Она что, совсем уже не поет в театре? — спросил он, надо же было проявить уважение к бабуле и выказать заинтересованность в том, что ее занимало в данную минуту.

— Она дает только сольные концерты. Ей платят столько, что теперь она может уже это себе позволить. Записи мне, между прочим, присылает с каждого.

— Ба, а ей сколько лет-то?

— Кажется, пятьдесят два.

— И ты говоришь, она опять вышла замуж?

— Вышла. Год назад. А что тут удивительного? Ну что ты все время хмыкаешь? Ты вылитый твой дед-покойник. Он тоже все вот так губы кривил. Где тебя воспитывали, оболтуса?

— В интернате. Ну, извини. Забавно стало. И в который же раз она промаршировала под венец? В третий, в четвертый?

— Это ее четвертый зарегистрированный брак.

— Живут же люди. Тут и один-то раз никак не женишься. Мда-а, здорово. Ну а что она от тебя-то хочет по поводу этого своего кошмарика?

— Она хочет, чтобы ей помогли. Ты помог.

— Я?

— Именно ты. Не знаю, откуда у нее уверенность, что на столь легкомысленного субъекта можно положиться в трудную минуту, — Елена Александровна поджала губы. — Но именно этого она хочет... Словом, она просит тебя приехать в Сортавалу и побыть там, пока окончательно не решится дело с...

— С чем же?

— С оглашением завещания.

Мещерский поморщился.

— Да, чудные времена наступили, Сереженька, — Елена Александровна заметила реакцию внука. — Звучит как, а? *Оглашение завещания!* Фу-ты ну-ты — ножки гнуты. Но все дело в том, что сейчас появились люди, которым действительно *есть что завещать*. Много таких народилось —

словно шампиньонов на куче сам знаешь чего. Откуда деньги? О, этого нам уже не скажут. Но Марина не из их породы. Она великая певица. Гений. По ее жизни будут судить о нашем времени — о конце века, конце тысячелетия. И вообще, близятся сроки, Сереженька, близятся. Я чувствую это. Мир меняется. И этот сон — только предвестник.

— Чего предвестник, баба Лена? — Мещерский задавал вопросы с добродушным любопытством. Бабулю снова ки-нуло в пучину мистических символов.

— Надвигающихся событий, мой мальчик. Какие они будут, гадать не хочу — не знаю. Но что будут, я чувствую. Мы все скоро в этом убедимся.

— Этот сон — результат плотного ужина. Сама же говоришь — Зверева толстая, поесть любит. Вот и приснился кошмар с трупом.

— Труп — это как раз не самая важная деталь этого сновидения, — Елена Александровна откинула гладко причесанную седенькую головку на спинку кресла. — Еще Пто-лемей Эфесский в своем труде «О снах и событиях» указы-вал, что мертвецы обычно снятся к переменам погоды. И это проверено практикой.

— Ну да, к дождю. А что же тебя тогда в этом кошмаре так насторожило? Погоди-погоди, — Мещерский даже оживился. — Я сейчас вспомню, что она там еще перечис-ляла: гигантские муравьи... брр — пакость, багровый плющ, ванна, пила... И привидится же такое: расчленение жмури-ка. А по-твоему, какая в этом сне ключевая деталь? Ну что старичок Фрейд мог из всего этого извлечь?

Елена Александровна не отвечала. Мещерский подо-ждал, потом взял письмо.

— И все же я прошу тебя, Сережа, съезди к Зверевой и погости у нее недельку-другую, пока там все не уладится. — Елена Александровна протянула руку и погладила внука по голове. — Она пишет, там соберутся родственники, ее дру-зья. Заодно и познакомишься с ними. И с новым ее мужем тоже. Думаю, это будет весьма интересно.

— Значит, это она родственников боится? Из-за заве-щания, да?

— Марина в своей жизни, а она была у нее трудной, ни-когда и ничего не боялась. Но у каждого из нас наступает момент, когда теряем ощущение реальности. И вот в такие

периоды обращаемся к волхвам. Нас страшит свобода самостоятельного выбора. И все кажется, что кто-то — неважно, по кофейной ли гуще, по картам ли, звездам — укажет нам самый верный, самый безболезненный и легкий путь. Как будто это возможно! Но Марина не стала бы просить такой банальной и лживой подсказки. Она всегда все решала для себя сама — и в творчестве, и в жизни. И сейчас тоже решит... Бог даст. Но ей просто необходимо, чтобы рядом с ней оказался человек или люди, которые смогли бы успокоить ее тревогу и защитить ее.

— Да от кого защитить-то? — воскликнул Мещерский. — Ну скажи прямо: певица боится семейного скандала из-за завещания и хочет нанять кого-нибудь, например, телохранителя, который смог бы все это безобразия пресечь. Ну так, нет?

— Пусть будет так, если тебе проще именно этой фразой обозначить складывающуюся ситуацию. К слову, там чудесные места — Карелия, Ладога. Северный рай. Дача комфортабельная в сосновом лесу на берегу озера. Все равно ведь ты в отпуске, бездельничаешь.

— Мы с Кравченко хотели в Сочи махнуть на той неделе. У него тоже отпуск с понедельника.

Елена Александровна улыбнулась. Она прелюбопытно знала Вадима Кравченко — закадычного приятеля своего внука.

— В таком случае поезжайте вдвоем. Тем более твой приятель профессионал в подобных делах, ты сам мне хвастался.

Мещерский снова поморщился. Кравченко, в прошлом кадровый офицер КГБ (а потом ФСБ), в настоящее время тянул ляжку (за очень даже неплохие, как он выражался, «бабки») начальника личной охраны у столичного бензинового короля Василия Чугунова, более известного в деловых кругах под кличкой Чучело. Однако его босс вот уже три месяца подряд как лечился от цирроза печени в частной клинике в Бад-Халле в Австрии. И намеревался пробыть там до самой глубокой осени.

Кравченко неотлучно провел возле него все лето, а теперь, сдав опостылевшее больничное бдение напарникам-телохранителям, приводил в порядок дела службы безопасности в московском офисе Чугунова. С понедельника же у него наступал законный отпуск.

Ну что ж, в принципе Вадька, если б захотел, смог бы составить ему компанию — Мещерский вздохнул и спросил примирительно:

— А что вдруг Зверева в такую глушь забивается — в Карелию? Что, другого места не нашлось для родственного съезда?

— Ну какая глушь? Там курорт, целебные воды. Раньше очень славились. Ее первый муж, ныне покойный, построил там дачу, считай что виллу, — это когда они Государственную премию получили за постановку «Царской невесты», — в кооперативе. Тогда, в семидесятых, весь Большой театр строил дачи в Прибалтике — в Эстонии, на Рижском взморье, в Клайпеде. А Зверева с мужем и еще некоторые остановились в Сортавале. Она пишет, там очень красиво: настоящая маленькая Финляндия. И дом превосходный, она его несколько лет назад перестроила. Туда время от времени навевывались дочь и сын, дети первого мужа от первого брака. А потом, — Елена Александровна снова улыбнулась, — Марина верит в особую благотворную ауру этого места. В этом доме она всегда чувствовала себя хорошо.

Мещерский не выдержал и снова хмыкнул. Престарелая дама посмотрела на внука с сожалением.

— Не смейся над старухой бабкой, о, она еще не выжила из ума. Дома, где мы живем, влияют на наши судьбы. Вот, например, кумир твоего детства Брюс Ли купил дом в Гонконге, предварительно не посоветовавшись с тем, с кем нужно. А потом что-то почувствовал. *Что-то такое*, понимаешь? Нехорошее. Пошел, спросил старых людей. А прогноз оказался самый мрачный: проклятое место. Но деньги уплачены, разве дом бросишь? Ну и остался. А что с ним стало, ты знаешь лучше меня. Далее: его сын Брендон Ли жил в том же доме. Как он кончил, какой нелепой и загадочной гибелью на съемках фильма — ты тоже читал, наверно. Так что... — Елена Александровна устало закрыла глаза. — А Сортавала очень тихое место: сосны, озеро, скалы, чайки. Из Питера добраться просто. Семья съедется туда на отдых, ну, заодно и дела должны решиться.

Мещерский хотел было спросить, зачем певице вдруг приспичило так срочно решать имущественно-наследственные вопросы и втягивать в это решение родственников, но вместо этого спросил совсем о другом:

— Ба, а у тебя ее записи есть? Хочется услышать ее голос. Ну, чтоб окончательно с тобой согласиться.

Старушка молча кивнула на столик в углу комнаты. Там стоял магнитофон-двухкассетник (подарок внука). Кассета была уже вставлена. Мещерский включил. Слушал молча.

— Это ария принцессы Эболи из «Дон Карлоса», — сообщила Елена Александровна наставительно.

Мещерский кивнул: Верди. Ария кончилась. Секунду было тихо, а затем с пленки зазвучал новый голос — высокий, чистый, кристально ясный. Совершенно иной по тембру и окраске.

— Неужели это тоже она? — Мещерский обернулся. — От таких низких нот к такому... Как она поет!

— Это не она поет.

— Не она? Я думал, что на этой кассете у тебя нет других певиц.

— Это не певица, — Елена Александровна тяжело поднялась из кресла. — Это «Пирр и Деметрий», редко исполняемая опера Скарлатти. И поет в ней редчайший голос — мужское сопрано.

— Мужское?! Но это... черт возьми, это же женский голос!

— Это поет Андрей Шипов. Восходящая звезда русской оперы. Муж Марины, с которым ты, надеюсь, скоро познакомишься.

Мещерский смотрел на магнитофон, недоверчиво вслушиваясь в нежные рулады, причудливое кружево сложнейшей колоратуры этого, как оказывается, не женского, но никак и не мужского, а какого-то *ангельского* голоса — *небесного*, абсолютно бесполого.

Прошло три дня. Теплым вечером, навевавшим мысли об ушедшем лете, Мещерский и Кравченко сидели в комнате отдыха на тренировочной базе охранной фирмы «Стальная лилия», где Кравченко по контракту консультировал группу выпускников.

Мещерский стал гостем «Стальной лилии» не впервые. И каждый раз его здесь чем-нибудь да удивляли. Однажды он наблюдал тренинг новичков. В зале для стендовой стрельбы дюжие молодцы занимались странной гимнастикой — быстро и резко приседали, прыгали, бежали на месте, а

затем молниеносно выхватывали пистолет и по-ковбойски (несколько нелепо и картинно) палили по мишеням. Тренер пояснил тогда Мещерскому, что у новичков искусственно вызывается чувство страха: «Семьдесят приседаний — и достигается нужная степень возбуждения. Они должны победить страх. Таким образом мы готовим их правильно *входить в перестрелку*».

В следующий раз Мещерский лицезрел здесь еще более причудливый вид гимнастики, скорее смахивающей на фантастические бальные танцы. Разбившись на пары, тренирующиеся под музыку кружили по залу, слегка касаясь друг друга плавными отточенными движениями. И вдруг весь этот балет сменился серией жесточайших ударов. Кравченко, ухмыляясь, потом объяснил приятелю: «Это *капоэйра*, Серега. Сейчас все прямо помешались на этих танцульках. Капоэйра — древнее бразильское боевое искусство. Ты бы посмотрел, как профессионалы ее «пляшут»! К нам тут приезжали испанцы из мадридской школы. Вот это, я скажу, зрелище. А наши — битюги, тяжелы на подъем. Но денежки за обучение платят. Желают блеснуть перед боссом капоэйрой, ну и пусть. Мы не препятствуем, троих инструкторов наняли и хореографа».

Сейчас, попивая горячий чай из термоса, Кравченко только благодушно шурился и кивал, слушая рассказ приятеля о певице Зверевой и ее приглашении. Налил другу вторую чашку, бросил туда кусочек лимона. Изрек словно бы в раздумье:

— Собственно, мне без разницы, куда податься. Скучно тут. Скоро дожди начнутся в Москве. Только и там мы задохнем, Серега, с тоски. С этой вашей оперой...

Мещерскийпил чай.

— Катя звонила? — спросил он тихо.

— Угу. Довольная! Приедет второго октября. Просила встретить в Шереметьеве. С музыкой, между прочим.

С девушкой Катей — сотрудницей пресс-центра областного Управления внутренних дел, капитаном милиции и журналистом в одном лице, у приятелей отношения были сложными. «Треугольник» давно уже требовал *благородного жеста*. И Мещерский с грустью сознавал, что сделать его, видимо, предстоит именно ему: «Уйду с дороги, таков закон...» — напевал он порой словно бы в шутку и сам при-

творялся перед собой, что это всего лишь старая песня, а не мудрый совет, поданный свыше. Неделю назад они проводили Катю вместе с двумя подругами в Грецию — в отпуск. И теперь оба скучали, хотя и не желали в этом признаться друг другу.

— Мы к концу сентября вернемся, — робко начал Мещерский. — Катюшка рада будет, что мы глотнем свежего воздуха. Делать на этом озере особо нечего, я так понял. Ну, если конфликт возникнет — вмешаемся. А нет — так поживем. Там у них лодка моторная, корты есть.

Кравченко слушал внимательно, однако нашел нужным возразить с кислой миной:

— Дожди ка-ак зарядят там. Размокнем, как промокашка. Балтика ж! Правда, пиво там... Да ладно, давай рискнем. Поедем, сделаем приятное Елене Александровне. Кстати, передай бабуле, что я ее по-прежнему нежно люблю. Слушай, а в чем там все-таки дело? Не темни. Кроме этого идиотского сна, что еще?

— Ничего.

— Как? Так из ничего и выйдет ничего, друг мой ситный. Насколько я понял, Елена Александровна определяет ситуацию как тревожную, требующую разрядки со стороны третьих лиц. А ты уверяешь, что речь не идет о реальной угрозе клиенту. Тогда за каким лешим мы в такую даль подемся?

Мещерский вспомнил, что всего час назад Кравченко, надувшись от важности, читал своеобразную лекцию выпускникам «Стальной лилии» как раз на тему организации работы службы безопасности в случае возникновения угрозы жизни подопечного лица. В его вальяжно-небрежной, однако ужасно заумной речи то и дело проскальзывали такие перлы, как *устранение причины конфликта, нахождение компромисса, снятие эмоционального стресса* и тому подобное.

— А что делать, если клиент заявляет, что его хотят убить? — полюбопытствовал один из слушателей.

— Первый ваш шаг — скорейший вывод клиента из зоны опасности. Заметьте, мы еще не говорим о степени ее реальности — это вопрос особый, — вещал Кравченко. — Сначала вы должны немедленно сменить весь его образ жизни: местожительство, маршруты передвижения, график работы, отдыха. Установить наблюдение за всеми лицами,

имеющими к нему доступ, обеспечить его личную охрану. Ну, это по возможности, естественно. — Кравченко улыбнулся. — И в этом случае никто вас не осудит, если вы примете и кое-какие меры в отношении себя. Только идиоты лезут на рожон. А потом вы можете заняться изучением и противной стороны, от которой и исходит эта реальная или вымышленная — это уж вам определять — угроза. Однако установить эту самую *противную сторону* бывает порой потруднее, чем выполнить все предыдущие пункты ваших обязанностей перед клиентом.

— Вадя, я так думаю: бабка зря меня просить не стала бы, — твердо сказал Мещерский. — О Зверевой, кроме уже сказанного, я больше ничего сообщить не могу. Звонил мне вчера ее секретарь. Считай, что получили мы с тобой официальное приглашение в гости от мировой знаменитости. Дама она оригинальная. Общается с такими людьми, про которых мы либо в газетах читали, либо в книжках, либо по телику их видели. А посему и ведет себя она соответственно. Муж ее — личность еще более занятая. К тому же, как мне бабуля призналась, и брак у них...

— На сколько она его старше?

— Кажется, на двадцать пять лет.

— Наскока-наскока? — Кравченко аж присвистнул. — Ты этого счастливчика видел?

— Нет. Только слышал, как он пел.

— Хорошо?

— Не могу тебе сказать. Чудно. Словом, ничего подобного я прежде...

— Увы, Серега, в опере я ни бельмеса. Ферштейн? С Катькой вон зимой на «Кармен» ходили в Большой, помнишь? Катька как лампочка вся светилась, ты тоже — того, ну кумекал, в общем, даже замечания какие-то выдавал. А я — как пень. — Кравченко сокрушенно развел руками. — В одно ухо влетело, из другого... Так что с операми у меня — швах.

— Не в опере тут дело, Вадя.

— Ну это ясно. Наследство, да... А этот муж ее третий, ну прежний, действительно дорого стоил?

— Очень дорого. Зверева, насколько я узнал, выходила замуж четыре раза. Первый был дирижер Новлянский. У него к тому времени от первого брака было уже двое детей. Зве-

рева с ним прожила почти десять лет. А потом уехала по контракту в Италию. Ну, брак и треснул. Но детей первого мужа она не забывала. Сейчас они уже взрослые, нам ровесники, но все равно к ней, к мачехе, жмутся под крыло: отец умер, а Зверева богата как Крез. В Италии она вторично вышла замуж за какого-то нашего тенора-гастролера, но прожили вместе они мало. А потом... Потом она где-то то ли в Америке, то ли в Австрии познакомилась с богатым стариком — гражданином Швейцарии. У него заводы по производству тефлона, химический концерн. В общем, капиталист — не нашим чета. От Зверевой и ее голоса он был без ума, ну и предложил руку и сердце, а заодно и швейцарский паспорт. Жили они хорошо... вроде бы, но старичок умер от инсульта. И все свое состояние колоссальное в обход швейцарских родственников по завещанию оставил своей русской жене. Там был долгий судебный процесс, домочадцы на ушах стояли. Но завещание есть завещание, никуда не денешься. И Зверева тяжбу выиграла. Все теперь принадлежит ей. А она... она, как видишь, снова вышла замуж. И муж — мальчишка желторотый. А кроме мужа, при ней или вокруг нее — это как хочешь — вьются теперь ее собственные родственники: мухи вокруг банки с медом.

— А почему она так торопится со своим собственным завещанием? Она же не на смертном одре?

— Этого я тоже не понимаю. Бабка говорит, что певица мнительная, к тому же любит порядок в делах. А скорей всего, как всякая истинная актриса, обожает эффектные жесты — все точки, так сказать, сама предпочитает расставит и полюбоваться на реакцию зрителей.

— А при чем тут чувство незащищенности? Страх? Кого она боится?

Мещерский заглянул в термос, налил себе еще чая.

— Думаю, что конкретно — никого. Просто у них с бабкой так повелось — певица жалуется: нервы там, женские страхи, возраст, климакс, а бабуля моя пудрит ей мозги мистикой, предостережениями, советами, «исполненными смысла». Женщины, что с них взять, Вадя? Да еще и пожилые.

— Мне не кажется, что все дело в таких пустяках, — неожиданно возразил Кравченко. — Милейшая Елена Александровна человек мудрый. Скорее всего она что-то зна-

ет или о чем-то догадывается и хочет подложить соломки на случай чьей-то травмы. А моральной или физической... Что там певичке привиделось во сне? Ну-ка повтори.

— Что она собственноручно намеревается расчленить чей-то труп. Ни больше ни меньше.

Кравченко поднялся с дивана и повел приятеля к директору «Стальной лилии». После получасового совещания они перекочевали в комнату, схожую видом с сейфом. На стендах здесь красовался целый арсенал — от мощной пневматики типа «хантера-410», помповых ружей «ремингтон-870» и «винчестер-1300» до винтовок «кольт спортер».

— И на все есть лицензия? — завистливо полюбопытствовал Мещерский. И, получив утвердительно-уклончивый ответ, прилип к витринам.

— Это все громоздкая муть, братва, — прогудел Кравченко. — Эту заморскую выставку опытный человек не глядя сменяет на родимого нашего «тэтэшку». Но на «ТТ» официального разрешения нам не дают, жмотничают. Клянчить не будем. А я вот эту штучку сейчас всему предпочитаю. — Он открыл витрину и снял со стенда некое подобие револьвера, но весьма модернистской формы. — В Москве пока по пальцам перечесть подобные модели можно, — похвастался он. — Это «деррингер» — универсальное оружие самообороны. Глянь, Серега, стреляет одновременно и в любой последовательности пластиковыми пулями, картечью, служит и как газовый пистолет, и как «ударник» большой мощности, ослепляет-оглушает и к тому же еще и сигналы подает. В общем, не убьет, но строго накажет в случае каких-либо безобразий. Самая эта моя пушка. По характеру мне. Жалею я людей что-то последнее время. Щажу. Психика вообще у меня стала какая-то мягкая. Не замечал за мной, нет?

Мещерский вертел в руках «деррингер».

— Ты Катюше про свой характер заливай. А это... думаю, подобная техника там нам не понадобится. Это уж чересчур как-то — на дачу в гости заявляться с «деррингером». Не поймут нас, а то еще и засмеют. Но на всякий пожарный... — Он сделал вид, что прячет пистолет во внутренний карман пиджака.

— На мою личную *капоэйру* не желаете взглянуть? — напоследок спросил их директор «Стальной лилии» — быв-

ший коллега Кравченко по службе в конторе. — На дорожку, а? А то сейчас мигом организуем. И сто грамм качественных для расширения сосудов не повредят.

— Нет, спасибо, в другой раз. У нас билеты на ночной поезд. — Мещерский потянул оживившегося было приятеля за рукав. — Видишь, «Красная стрела», как в старые добрые времена. У тебя, Вадя, нижнее место, как ты любишь. Так что времени у нас остается только заскочить домой, собрать вещички да поймать машину до площади трех вокзалов.

Глава 2

ПЕРВАЯ КРОВЬ

До Питера доехали без особых приключений. Соседями по купе оказались два флотских офицера с военной базы в Кронштадте. Они возвращались домой после обивания порогов в Министерстве обороны. Денег для своих подразделений, как ни просили, офицеры не получили и с горя решили пустить по ветру последние командировочные. Кравченко — человек компанейский, естественно, в долгу не остался. Короче, всю ночь купе гуляло. У Мещерского под конец застолья слипались глаза, и водка выплескивалась из стакана отнюдь не из-за вагонной тряски.

Утром на перроне Московского вокзала, тепло попрощавшись с моряками, Кравченко строго внушал Мещерскому:

— Ну времена! Мужикам жрать нечего. Жрать! Смотри, во что флот превращается. А тут какие-то певуны завещание не поделят, а? Дожили!

— Ты так упрекаешь, будто это я все затеял, — обиделся Мещерский. — Ты вон своему Чучелу врежь хоть раз о социальной несправедливости. Наверняка в глаза не скажешь.

— А я не говорил, что ли, ему? — взвился Кравченко. — Да тысячу раз, в лицо.

— И что же он?

— А! Чучело мое, когда трезвое, так рассуждает: все грехи, а я чем хуже? Не достанется мне, достанется другому.

Уж лучше я буду родимую отчизну грабить, чем какой-нибудь паразит со швейцарским паспортом, который считай что и Звереву вон, красу и гордость русской сцены, с потрохами купил.

— Старик умер. Почил с миром. О мертвых либо хорошо, либо...

— А, — Кравченко снова отмахнулся, подхватил спортивную сумку. — Хватит трепаться, лови тачку. До Морского вокзала еще пилить и пилить.

До Сортавалы решили добираться водным транспортом — переправиться через Ладогу на «Ракете». Однако на двенадцатичасовую опоздали, слишком долго закусывали в вокзальном баре. Пришлось скучать до вечернего рейса. Мещерский по своему радиотелефону связался с дачей Зверевой. Беседовал с секретарем.

— Нас встретят на пристани на машине, — сообщил он. — Дача-то километрах в двадцати от городка.

По Ладоге шли с ветерком. Осеннее солнце даже припекло, однако на открытой палубе было знобко. Кравченко застегнул «молнию» на куртке до самого подбородка и, перегнувшись через борт, следил, как синие волны, взрезанные корпусом «Ракеты», обращаются в белую пену. Он не то что-то бурчал себе под нос, не то напевал. Мещерский прислушался. «Ехали медведи на велосипеде, — донеслось до него. — А за ними кот задом наперед...»

— Пивка б сейчас после вчерашнего адмиральского фуршета, — мечтательно вздохнул Кравченко. — Горло прополоскать. Эх! Зайчики — в трамвайчике, жаба на метле...

К причалу пришвартовались уже в сумерках. Мещерский ступил на потемневшие от сырости доски. Осмотрелся. Действительно, тихое место: голубенькое здание пристани, с резным крылечком и облупившейся краской вывески над закрытым окошечком билетной кассы, несколько катеров у причала, чуть дальше на шоссе — остановка рейсового автобуса. А еще дальше — сосны, огоньки вечернего городка и темная громада озера, более похожего в этом неверном освещении на безбрежный океан.

— Сергей Юрьевич! — Невысокий человек в коричневой замшевой куртке быстро шел им навстречу, приветливо махая рукой. — Добрый вечер. С прибытием. Я — Агахан, здравствуйте.

— Агахан Файруз — секретарь Зверевой, — шепнул Мещерский Кравченко. — Это с ним я договаривался. Здравствуйте, Агахан, вот и мы.

— Пойдемте, там у меня машина. — Секретарь поздоровался с ними за руку, потом подхватил сумку Кравченко и подвел их к шоссе.

Был он средних лет, очень смуглый, сухощавый. Верхнюю губу его оттеняла полоска щегольских смоляных усиков, на правой руке красовался массивный перстень с агатом. Глаза — тот же агат, восточные миндалины, взгляд внимательный и печальный. Однако по-русски он говорил без малейшего кавказского акцента, чисто и как-то по-особенному певуче произнося гласные.

— Марина Ивановна уже начала беспокоиться — куда вы подевались. Ждет с самого утра. Сейчас по озеру удобней всего добираться, — говорил он, укладывая сумки в багажник синей «Хонды», припаркованной у обочины. — Можно, естественно, по железной дороге. Но это долго и неудобно. Лучше на машине.

— Конечно, лучше. — Кравченко деловито оглядел «Хонду». — И, естественно, на такой.

Шоссе, освещенное редкими фонарями, прямой стрелой рассекало сосновый бор. Осмотр окрестностей пришлось отложить до утра. Мещерский взглянул на часы: еще только без четверти девять, а тьма тьмой. Вот тебе и север — белые ночи.

— Осень, — Файруз мягко улыбнулся, словно понял, о чем подумал гость. — Великий поэт сказал: унылая пора, очей очарованье. К счастью, в этом году здесь тепло не по сезону. Я здесь уже две недели живу: дом готовил — отопление барахлило, пришлось вызывать специалистов. Для Марины Ивановны тепло — самый важный вопрос.

— Всегда мечтал услышать ее божественный голос не со сцены, а, так сказать, вблизи, наяву. Она репетирует дома?

— Иногда. Теперь, конечно, реже. Вы, может, слышали, она и Андрей готовят новую постановку на сцене Камерного театра.

— Это вместе с мужем? Что за постановка? — поинтересовался Кравченко, удобно развалившийся на заднем сиденье. — Опера?

— Опера Рихарда Штрауса «Дафна». Пока это только